УДК 94(47).084.6/ББК 63.3(2)6-4

Е.А. Щаденко и репрессии в Красной армии в 1937—1938 гг.

А.А. Гуляев

Аннотация. В данной работе на основе архивных документов и других источников исследуется подлинная роль Е.А. Щаденко в осуществлении репрессий в Красной армии в 1937—1938 годах. Большое внимание уделяется человеческому фактору в формировании характера происходивших в стране и армии процессов.

Ключевые слова: Е.А. Щаденко, Киевский военный округ, «Большой террор», Красная армия, Главный военный совет РККА.

Abstract. This article, based on the archival documents and other sources, investigates the genuine role of E.A. Schadenko in repressions which took place in the Red Army in the period of 1937—1938. Much attention is paid to the human factor in forming the character of the processes occurring in the army and the country.

Key words: Y.A. Schadenko, Kiev Military District, «The Great Terror», the Red Army, The Chief Military Council of the Red Army.

В ряде исследований, посвященных 1937—1938 гг., подчеркивалось участие известного политработника Ефима Афанасьевича Щаденко в репрессиях, развернувшихся в рамках «Большого террора» в войсках Киевского военного округа (КВО) и всей Красной армии с июня 1937 года [1]. Однако фактов, подтверждающих эти данные, приводилось недостаточно или не приводилось вообще. Архивные материалы и широкий анализ имеющихся в различных исследованиях отдельных деталей позволяют глубже изучить этот вопрос.

В мае 1937 г. политическое руководство СССР приняло решение воссоздать военные советы округов и флотов. Членом Военсовета КВО был назначен корпусной комиссар Е.А. Щаденко. В этой должности он пробыл недолго, но оставил значительный след в истории округа как один из активных участников репрессий.

Самой распространенной формой репрессий в отношении командного и начальствующего состава [2] Красной армии являлось увольнение со службы по политическим мотивам. В июне 1937 г. военсоветы округов получили «право увольнять и давать санкции на арест комначсостава до командира полка и ему соответствующих» [3]. Ранее это была исключительная прерогатива наркома обороны и его заместителей. Оформлялись увольнения приказами войскам окру-

Гуляев Алексей Александрович — историк. E-mail: Krzyzanovsky.1917@yandex.ru.

Gulyaev Aleksey A. — historian. E-mail: Krzyzanovsky.1917@yandex.ru.

гов по личному составу, вступавшими в силу после их коллегиального подписания командующим, членом Военсовета и начальником штаба, либо их заместителями. Эти документы позволяют установить, в увольнении скольких офицеров участвовал тот или иной представитель командования округа. Всего с момента прибытия нового руководства в КВО и до перевода Щаденко на другую должность приказами по округу было уволено 1512 офицеров [4]. Согласно тезису исследователя О.Ф. Сувенирова, 85% офицеров в годы репрессий отстранялись от должности по политическим мотивам (включая арестованных) [5]. Из названного выше числа Щаденко подписал приказы на увольнение 1061 человека. Из них по политическим мотивам — около 900.

Сложно сказать, сколько человек было уволено по личной инициативе Щаденко. Его подписи на приказах подтверждают лишь согласие на увольнение; инициатором мог быть кто-то другой. Какая-то часть командиров была уволена после фактического ареста, то есть вообще без участия Военсовета. В этом случае увольнение было лишь формальностью. Из указанного числа уволенных за подписью Щаденко 171 чел. был «оформлен» по статье 44 пункт «в» Положения о прохождении службы комначсоставом РККА (то есть в связи с арестом). Но нередко увольнение по такой статье осуществлялось и до фактического ареста. Поэтому формальных увольнений было меньше. О проявлении Щаденко личной инициативы в увольнении офицеров свидетельствует, например, такой случай. В приказе № 0207 от 2 сентября 1937 г. имелся пункт об увольнении начальника 4-го отделения оперативного отдела штаба КВО интенданта 1-го ранга К.Т. Жемчугова. Сначала по какой-то причине его вычеркнули из приказа. Но затем Щаденко собственной рукой наложил рядом резолюцию: «уволить» [6].

Участие Щаденко в репрессиях выражалось не только в производстве увольнений. 29 сентября 1937 г. приказом по округу «за развал работы» был отстранен от должности помощник начальника санитарного отдела КВО бригврач Б.Я. Суслов. Судя по цвету карандаша, которым Щаденко подписал приказ, он лично дополнил текст фразой «с преданием суду» [7]. Косвенно Щаденко участвовал в «разгроме» кадров военной прокуратуры КВО: 16 июня приказом за его подписью был уволен прокурор округа диввоенюрист Е.Л. Перфильев. Правда, в документе говорилось, что увольнение производится «на основании приказания народного комиссара обороны СССР» [8]. Также Щаденко активно занимался сбором компромата на офицеров и пересылкой его в различные инстанции, в том числе в НКВД.

Служивший тогда в КВО командиром 2-й кавалерийской дивизии А.В. Горбатов вспоминал: «Щаденко с первых же шагов стал подозрительно относиться к работникам штаба. Приглядывался, даже не скрывая этого, к людям, а вскоре развернул весьма активную деятельность по компрометации командного и политического состава, которая сопровождалась массовыми арестами кадров» [9]. Уже на июньском 1937 г. пленуме Военного совета при наркоме обороны сам Щаденко делился наработанной им методикой по поиску компромата: «Мы должны заострить нашу большевистскую бдительность... суметь вскрывать все методы работы врагов. Имейте в виду, что в Киевском и других округах враги рассадили своих людей на различные участки работы... Поэтому проверяйте аттестационные материалы, проверяйте их биографические сведения, их связи... Вы тогда многое разоблачите, вы... поможете Николаю Ивановичу *(Ежову. — А.Г.)* выкорчевать до конца врагов... Должен сказать вам, простое перелистывание материалов, сличение биографических данных и послужных списков уже вскрывает очень много противоречий. Люди пишут в разное время и забывают о том, что они писали раньше» [10].

Тогда же сам нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов бросил в адрес Щаденко такую реплику: «Тот материал, который ты мне прислал, очень интересный» [11]. Выявлена копия упоминаемого в работе Н.М. Якупова доноса на Ф.А. Ингауниса. Но тут следует дать важные пояснения. Во-первых, это сообщение наркому обороны было подписано не только Щаденко, но и Федько, деятельность которого Якупов напрасно изображал исключительно в светлых тонах [12]. Копия является машинописной, что не дает возможности определить, кто был непосредственным автором документа. Во-вторых, помимо сведений о близости Ингауниса к Якиру, в ней говорится о недостатках в его работе. Например о том, что он не только не боролся с вредительством при строительстве аэродромов, но и сам «вносил в проекты дополнения, еще более усугубляющие недоброкачественность строительств», в частности, «в Судилкове авиагородок был внесен в болото, хотя по первоначальному проекту этого не было» [13]. Конечно, в духе времени, новое руководство округа в этом усматривало умышленное вредительство. В то же время, нет оснований считать, что сама информация о качестве работы Ингауниса является надуманной.

Доносы писали и другие офицеры округа. Комдив В.Н. Львов 10 июня 1937 г. направил Военсовету обширный доклад, содержащий компромат на многих офицеров округа. Сделать это он «решил, в новом свете чудовищных преступлений и предательства, раскрытых... докладом [Федько] и выступлением т. Щаденко» [14]. Иными словами, своими действиями Военсовет КВО привлекал к участию в репрессиях новых военнослужащих.

Как уже говорилось, в 1937 г. Военсоветы получили право санкционировать аресты части офицеров. Согласно постановлению от 13 июня 1937 г., Военсовет КВО, рассмотрев материалы НКВД УССР на начальника склада НКО № 80 М.И. Финенко и помощника начальника отделения отдела артиллерии округа техника-интенданта 1-го ранга Б.М. Ойгенштена, санкционировал их арест [15]. Постановление подписано Федько и Щаденко, но не имеет номера. Поэтому возможно, что данный документ не вступил в силу. Однако бесспорно, что Щаденко был согласен с необходимостью ареста этих людей.

В то же время, некоторых командиров Щаденко еще в 1937 г. брал под свою защиту. Так, в приказе КВО по личному составу № 0201 изначально имелся пункт об увольнении из РККА командира батальона 298-го стрелкового полка капитана Е.К. Ружина. Щаденко вычеркнул его фамилию, наложив резолюцию «проверить» [16]. Благодаря этому Ружин не подвергся репрессиям, продолжил службу в рядах Красной армии, а в годы Великой Отечественной войны находился на преподавательской работе [17].

Восстановление отдельных офицеров на службе в КВО началось уже в 1937 году. В период пребывания Щаденко в округе приказами Военного совета было восстановлено 26 офицеров, из них за его подписью — 22 человека. На одном из таких случаев остановимся более подробно.

Приказом КВО по личному составу от 5 августа 1937 г. за подписями Федько, заместителя начальника политуправления округа полкового комиссара А.И. Борисова и начальника штаба округа комбрига И.Г. Захаркина был уволен командир батальона 179-го стрелкового полка Я.И. Ермаков [18]. Он к тому времени еще не прошел переаттестацию на военное звание и, видимо, подал жалобу по факту своего увольнения, попав в поле зрения Щаденко. Несмотря на то, что Ермаков еще в 1935 г. был исключен из ВКП(б) как служивший в Белой армии [19], Щаденко счел возможным восстановить его в рядах Красной армии. Приказ о восстановлении Ермакова в РККА за подписями Федько, Щаденко и Захаркина датируется 24 октября 1937 г.; но на прежнюю командную должность его не назначили, а допустили к исполнению обязанностей начальника продовольственного снабжения 174-го стрелкового полка. Щаден-

ко бесспорно принимал личное участие в определении судьбы этого командира. Об этом свидетельствует то, что 7 мая 1938 г. приказом по округу Ермаков был вновь допущен к исполнению должности командира батальона 179-го стрелкового полка. В тексте приказа прямо говорилось, что назначение производится «по приказанию зам[естителя] наркома обороны т. Щаденко» [20]. В том же году он был аттестован и получил звание майора. Подполковник (с 1940 г.) Ермаков, будучи командиром 701-го стрелкового полка 142-й стрелковой дивизии, участвовал в Великой Отечественной войне на Ленинградском фронте, где 17 сентября 1941 г. был контужен; позже проходил службу в тыловых частях [21].

В ноябре 1937 г. Щаденко назначили заместителем народного комиссара обороны и начальником Управления по командному и начальствующему составу (УКНС) РККА. На эту должность его выдвинул лично И.В. Сталин, которому потребовался свой доверенный человек для контроля за кадрами в армии.

С самого начала работы начальником УКНС Щаденко, с одной стороны, старался выкорчевать всех «врагов народа», с другой, — ликвидировать некомплект комначсостава РККА, в том числе путем восстановления в должностях несправедливо уволенных.

«Личный вклад» Щаденко в процесс репрессий в новой должности был существенным. С первых дней работы он начал «громить» известных ему «врагов» и изыскивать новые пути сбора компромата: в конце ноября затребовал из КВО материалы на комкора Н.Н. Криворучко «для принятия соответствующих мер» [22], а в декабре 1937 г. направил Ворошилову заявление «о том, что [А.И.] Егоров в беседе с... [ним] во время ужина высказал недовольство неправильным освещением и умалением его, Егорова, роли в период гражданской войны и незаслуженным возвеличиванием роли Сталина и Ворошилова» [23]. По утверждению генерала армии А.В. Хрулёва, в 1938 г. Л.З. Мехлис требовал его ареста; сначала Щаденко защищал Хрулёва, но позднее изменил свое мнение [24]. Известно также, что Щаденко участвовал в принятии решений об аресте многих офицеров и выдаче соответствующих санкций по запросам НКВД. Например, 27 июня 1938 г. он санкционировал арест 18 политработников — от политрука до полкового комиссара [25].

Но наибольший интерес представляет участие Щаденко в утверждении нормативных актов, регламентирующих осуществление репрессий в РККА, причем как способствовавших их эскалации, так и, напротив, — свертыванию. Важна его деятельность по созданию структур, занимавшихся решением вопросов, связанных с репрессиями. Здесь наблюдается явная эволюция представлений Щаденко о том, как должен быть организован механизм осуществления репрессий со стороны лиц, наделенных административной властью в армии.

24 июня 1938 г. Щаденко участвовал в заседании Главного военного совета (ГВС) РККА, который постановил: «командный и начальствующий состав РККА следующих национальностей: немцев, поляков, латышей, эстонцев, корейцев, финнов, литовцев, турок, румын, венгров и болгар всех пограничных округов немедля уволить в запас. Тех из них, независимо от того, в каком округе служит, на которых имеются компрометирующие материалы, передать органам НКВД». На заседании 27 июня 1938 г., в котором Щаденко также участвовал, ГВС постановил «принять предложение ... Мехлиса... об изъятии из РККА всех колчаковцев, активно боровшихся против советской власти, находящихся... на командных должностях в Дальневосточном фронте, Забайкальском и Сибирском военных округах» [26]. В развитие последней инициативы 22 июля 1938 г. Щаденко обратился к Ворошилову с предложением дать распоряжение военсоветам объединений «проверить всех бывших эсеров, меньшевиков, анар-

хистов, дашнаков, муссаватистов, боротьбистов и членов других антисоветских партий и лиц, не доказавших своей активной работой безусловную преданность партии Ленина-Сталина и социалистической Родине, уволить в запас, а на высший комсостав представить списки»[27]. Но нарком обороны его не поддержал.

Важно, что в принятых ГВС решениях и предложении Щаденко для подлежащих репрессиям лиц были обозначены достаточно четкие критерии (национальность, служба в белых армиях и т. д.). Это отличает чистки 1938 г. в армии. В 1937 г. никаких критериев задано не было. В июле 1938 г. Щаденко вполне доверял способности военсоветов осуществить увольнения без перегибов, в рамках заданных критериев.

Следует отметить, что Щаденко проявил немалую активность для реабилитации и возвращения в ряды армии тех, кто, по его мнению, был уволен несправедливо. Уже 20 января 1938 г. он издал директиву военсоветам округов, начальникам центральных управлений НКО и военных академий, требовавшую пересмотреть все увольнения за 1937 г. и все представления на увольнения. В директиве констатировалось, что «в подавляющей массе мотивы увольнения являются недостаточно обоснованными, а компрометирующие материалы непроверенными»; осуждалась практика, когда «сами командиры и начальники, подлежащие увольнению, для личной беседы не вызывались»[28]. Такое впечатление у Щаденко сложилось в результате изучения поступавших в его ведомство с мест многочисленных представлений к увольнению. В сущности, Щаденко выступал с критикой формально-бюрократического отношения местного и центрального (кроме, конечно, своих вышестоящих начальников) военного руководства к осуществлению репрессий.

Несмотря на издание директивы, процесс восстановления уволенных на местах шел очень вяло и спорадически. Сам Щаденко занимался другими вопросами. Удивительно, но переломным моментом в этом деле стали результаты проведения военсоветами в жизнь решений ГВС по увольнению «националов» и колчаковцев. Получив в августе 1938 г. данные о мотивах, по которым военные советы увольняли людей, Щаденко окончательно разочаровался в способности местных военных руководителей осуществлять репрессии без перегибов. Об их ошибках он указывал в письмах Ворошилову[29]. В 1940 г. он писал Сталину: «Офицеров выгоняли все, кому не лень, разбираться же в правильности пало на долю мне и Мехлису со своим аппаратом»[30].

Именно с этого момента Щаденко стал централизовано проводить политику по восстановлению несправедливо уволенных офицеров. По его инициативе «в августе 1938 г. была создана... комиссия для разбора жалоб уволенных командиров, которая... проверяла материалы уволенных путем личного вызова их, выезда на места работников управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров, знающих уволенных, через органы НКВД»[31]. Благодаря ее работе уже в последние месяцы 1938 г. в РККА были восстановлены 762 офицера[32].

Одновременно Щаденко стал настойчиво доказывать наркому обороны, что необходимо запретить военсоветам самостоятельно увольнять офицеров. В первых числах сентября он обратился к нему с соответствующим письмом[33]. К письму Щаденко приложил телеграмму, предлагая разослать ее военсоветам округов за подписью наркома, следующего содержания: «Увольнение из РККА командного, политического и начальствующего состава властью Военсоветов прекратить и впредь не допускать ни одного случая увольнения или отстранения от должности без моей санкции или санкции моего заместителя т. Щаденко.

В дальнейшем по этим вопросам строго руководствоваться моим приказом № 0163 1937 года»[34]. Кроме того, Щаденко предлагал и на местах создать

комиссии для пересмотра дел уволенных офицеров. Однако этой инициативе не был дан ход.

В октябре 1938 г. Щаденко вновь поставил эти же вопросы перед Ворошиловым [35]. Действуя настойчиво, он добился своего. Из стенограммы выступления Щаденко на ноябрьском 1938 г. пленуме Военного совета при наркоме обороны видно, что в округах тоже сдвинулся с места вопрос о восстановлении уволенных. Округа начали проявлять активность в этом вопросе. Сведения об этом имеются в литературе, хотя специально эта тема пока не исследовалась.

Щаденко приложил немало усилий для налаживания работы механизма реабилитации несправедливо уволенных офицеров. Но он не изменил свои взгляды на репрессии в армии. О сохранении упомянутой двойственности в убеждениях Щаденко и характере работы красноречиво свидетельствует выдержка из его выступления на ноябрьском 1938 г. пленуме Военного совета: «Управлением по командному и начальствующему составу РККА за этот год была проведена огромная работа... Наши ошибки: 1. Мы не очистились еще от того, от кого надо очиститься. Враги и прихвостни врагов народа еще кое-где остались и делают свое грязное дело. 2. Слепо доверяли справкам и механически, непроверенно увольняли людей... Надо считать, в округах около 50% уволено без оснований» [36]. Как видим, Щаденко оставался яростным сторонником продолжения поисков «врагов народа», уточняя, что их немного. Важно отметить, что, характеризуя процессы репрессий и реабилитации несправедливо уволенных, он хоть и указывал в первую очередь на недостатки в этой работе военсоветов, но, употребляя местоимение «мы», в сдержанной форме признавал наличие ошибок и за собой.

Таким образом, в должности заместителя наркома обороны и начальника УКНС Щаденко выступил в двух ипостасях — и как ярый поборник борьбы с врагами, и как последовательный борец с бюрократическим отношением к офицерам, инициатор налаживания механизма реабилитации и восстановления в РККА несправедливо уволенных.

Остановимся на вопросе, какими мотивами руководствовался Щаденко, участвуя в описанных процессах? Во-первых, думается, им двигала искренняя убежденность в необходимости и правильности репрессий. Приводившиеся выше факты красноречиво об этом свидетельствуют. Добавим к ним еще два. 18 июня 1937 г. Щаденко в личном письме супруге так характеризовал ситуацию в КВО: «Вредительская сволочь целыми годами гадила, а нам надо в недели, максимум в месяц-два, не только ликвидировать все последствия вредительства, но и быстро двигаться дальше» [37]. Столь резкие эмоциональные выражения в частном письме близкому человеку свидетельствуют о его искренности. А вот в другом документе, написанном в связи с принятием нового текста присяги в феврале 1939 г., Щаденко сформулировал такое положение: «Совершенно естественно, что основным и главным условием успеха в работе должно явиться дальнейшее разоблачение отъявленных врагов народа, троцкистско-бухаринских бандитов, их пособников — лодырей, пьяниц, морально разложившихся, и выращивание новых, беспредельно преданных, смелых, храбрых, самоотверженных кадров, способных успешно решать любые задачи в любых условиях» [38]. Примечательно, что этот документ появился уже по окончании периода массовых репрессий. Он свидетельствует, что Щаденко был последователен в своей позиции относительно репрессивной политики в СССР, был ее убежденным сторонником. Раскрывает документ и второй мотив Щаденко: прослеживается четкое понимание им сущности репрессий не только как процесса удаления неблагонадежных и опасных для советской власти людей из Красной армии, но и как способ «дать дорогу» молодым политически преданным и, что особенно важно, компетентным кадрам. В

сущности, Щаденко полностью разделял установку Сталина по кадровому вопросу о выдвижении руководящих работников по двум принципам — политическому и деловому [39].

Щаденко, безусловно, был одним из активных участников репрессий в Красной армии. В то же время публикуемые в последнее десятилетие документы и появляющиеся исследования показывают, что сам процесс репрессий и его причины не столь однозначны. Репрессии в том виде, в каком они происходили в действительности, явились результатом сложного сплетения общих интересов советского государства и личных интересов участников процесса; их проведение мутировало под воздействием механизмов работы бюрократической иерархии. В результате нередко репрессируемый казался тому или иному участнику процесса не живым человеком, а собранным на него компроматом, «бумажкой». Не столь однозначны были и причины репрессий. В последнее время появляются данные о злоупотреблении властью, очковтирательстве, воровстве и тому подобных явлениях, имевших отношение к некоторым пострадавшим от репрессий, в том числе и офицерам РККА [40]. Это, конечно, не отменяет того факта, что очень многие пострадали безвинно.

Сложная структура процесса репрессий заставляет иначе смотреть на его участников. В деятельности Щаденко можно твердо отметить три момента. Во-первых, он руководствовался интересами Советского Союза, а не собственными, карьерными и т. п., отождествляя эти интересы со своими личными. Для него репрессии являлись актом классовой борьбы, позволяющей расчистить дорогу для выдвижения подлинно советских кадров с целью построения коммунизма. Во-вторых, Щаденко являлся одним из тех, кто своей активностью задавал тон происходившим процессам, был «на острие меча». Полагая нужным сам процесс, но видя и его издержки, он был не только в числе активнейших проводников репрессий, но и пытался настойчиво бороться с их «издержками», став инициатором создания механизма реабилитации несправедливо уволенных. В-третьих, оба вышеназванных обстоятельства не спасли его от участи осуществлять действия, которые даже ему самому казались позже перегибами, что он с горечью признавал. Все сказанное о сложности феномена репрессий и специфике участия в них Щаденко, позволяет отнести его к сознательно действовавшему человеку своего времени, глубоко интегрированному в происходившее. Он не был «мрачным безликим палачом», каким его считали многие исследователи ранее.

Примечания

1. Краснознаменный Киевский: Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа, 1919—1988. Киев. 1989, с. 114; ХОРЕВ А. Карьера комиссара (За строкой военного архива). — Красная звезда. 16.XI.1991; ЯКУПОВ Н.М. Трагедия полководцев. М. 1992, с. 160—161, 244; КОРОЛЬЧЕНКО А.Ф. Выбитый генералитет: Историческое повествование. Ростов-на-Дону. 2000, с. 255—257; ПЕЧЁНКИН А.А. Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны: дисс. док. ист. наук. М. 2003, с. 185, 206; ЧЕРУШЕВ Н.С. 1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. М. 2003, с. 131.
2. Командный и начальствующий состав — аутентичный термин; далее автор оперирует более поздним, но тождественным ему термином «офицер». К этой категории автор относит всех, кто находился в должности командного и начальствующего состава, включая временно занимавших такие должности младших командиров и красноармейцев.
3. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М. 2008, с. 543.

4. Здесь и далее количество уволенных и восстановленных офицеров КВО приказами по округу подсчитано автором по: Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 25 880, оп. 4, д. 202, 208—211, 226—228.
5. СУВЕНИРОВ О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М. 1998, с. 137.
6. РГВА, ф. 25 880, оп. 4, д. 210, л. 14.
7. Там же, л. 189.
8. Там же, д. 202, л. 15.
9. ГОРБАТОВ А.В. Годы и войны. М. 1989, с. 117.
10. Военный совет..., с. 165—166.
11. Там же, с. 166.
12. ЯКУПОВ Н.М. Ук. соч., с. 242—244.
13. РГВА, ф. 25 880, оп. 5, д. 3, л. 227.
14. Там же, л. 182.
15. Там же, д. 2, л. 13.
16. Там же, оп. 4, д. 210, л. 2.
17. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), ф. 33, оп. 682 525, д. 37, л. 303—303об.
18. РГВА, ф. 25 880, оп. 4, д. 209, л. 333, 336.
19. ЦАМО РФ, учетно-послужная карта (УПК) Ермакова Якова Ильича.
20. РГВА, ф. 25 880, оп. 4, д. 211, л. 25; д. 267, л. 111.
21. ЦАМО РФ, УПК Ермакова Я.И.
22. РГВА, ф. 25 880, оп. 5, д. 3, л. 615.
23. М.Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор». — Военно-исторический архив, 1998, № 2, с. 58.
24. КУМАНЁВ Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск. 2005, с. 235.
25. СУВЕНИРОВ О.Ф. Ук. соч., с. 81.
26. Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М. 2004, с. 107, 109—110.
27. Цит. по: СУВЕНИРОВ О.Ф. Ук. соч., с. 83.
28. Репрессии в Красной Армии (30-е годы). Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. 1996, с. 290.
29. ПЕЧЁНКИН А.А. Ук. соч., с. 206.
30. РГВА, ф. 37 461, оп. 1, д. 141, л. 1об.
31. Военный совет... 1—4 июня 1937 г., с. 550.
32. Репрессии в Красной Армии..., с. 422.
33. ЛОШКОВ Д.Б. Командные кадры Красной Армии накануне Великой Отечественной войны (1939 — июнь 1941 гг.): дисс. канд. ист. наук. М. 2003, с. 42.
34. РГВА, ф. 37 837, оп. 22, д. 115, л. 28.
35. ПЕЧЁНКИН А.А. Ук. соч., с. 205—207.
36. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг.: Документы и материалы. М. 2006, с. 155.
37. Родина. 1989, № 5, с. 31.
38. РГВА, ф. 37461, оп. 1, д. 33, л. 4.
39. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. — Вопросы истории. 1995, № 12, с. 13.
40. См., например: СМИРНОВ А.А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М. 2011.